

Юрий Бондарев — одна из крупных фигур в советской и русской литературе второй половины нашего века. И не стоит обращать внимание на обстановку скандалов, дискредитации, всякого рода компромата, которая нагнеталась в последние годы вокруг писателя прессой определенного толка. Инсинуации сгинут, а книги останутся. Книжки, широко известные не только в нашей стране, но и в мире, изданные на более чем семидесяти языках и ставшие (во всяком случае многие из них) бестселлерами. Значит, лучше переписать эти книги — «Батальоны просят огня», «Последние залпы», «Тихину», «Горячий снег», «Берег», «Выбор», «Игру», «Искушение», «Мгновения»... Лучше вспомнить, что фильмы по его сценариям тоже с большим успехом прошли по экранам Советского Союза и за рубежом. Семнадцатилетним он ушел в 41-м защищать свою Родину, идеалам которой верен до сих пор. Давайте же узнаем, что думает о судьбах родной страны и родной литературы нынешний председатель Союза писателей России.

— Юрий Васильевич, сейчас все — и писатели, и читатели — не могут не размышлять о том, что же произошло с нашей великой страной за последние девять лет, как могло произойти такое. Памятен ваш образ из речи на XIX партконференции летом 1988 года: перестройка — словно самолет, который поднял в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка. Тогда сравнение это вызвало много споров и много обвинений в ваш адрес. Довольно резких обвинений: дескать, налицо — реакционный антиперестроечный выпад. Но если в то время начавшийся процесс разрушения казался вам, как и многим другим, результатом какого-то недомыслия наших правителей, которые повели народ, что называется, «туда — не знаю куда», как бы наобум, не ведая броду, то теперь многим же все представляется совсем иначе: разрушение с самого начала осуществлялось вполне продуманно и планомерно. То есть посадочную площадку штурманы предвидели, но — какую и где! А что вы думаете сегодня об этом?

— В начале перестройки мы говорили о необходимости совершенствования нашей государственной и общественной системы, которая достаточно продолжительное время существовала и действовала. Что ж, совершенствование должно идти в любом государстве на определенном этапе его развития. Но вот вскоре в перестройке нашей все более стали ощущаться симптомы, которые не могли не вызывать у многих серьезнейшую тревогу. Главное — неясно было, что дает и даст перестройка человеку. Получилась как бы перестройка ради перестройки, ломка ради ломки, реформа ради реформы. И возникла едкая мысль: а куда же мы идем? Есть ли программа у тех, кто ведет нас? Ведь четко о ней народу власти предержащие ничего не говорили. Между тем с депутатских и прочих трибун все настойчивее гремели разрушительные лозунги: деидеологизация, разгосударствление и так далее, и тому подобное.

Помню, на одной из встреч Горбачева с творческой интеллигенцией я прямо и нагло, прошу прощения, поставил перед ним вопрос: куда же, Михаил Сергеевич, вы ведете народ — от социализма к постфеодализму или к дикому капитализму? В ответ — уклончивые улыбки. А почему ответа не последовало? Держали замысел в средневековой тайне. Среди тех, кто стоял около решающего судьбы страны штурвала, были такие личности, которые четко знали, в какую сторону собираются поворачивать этот огромный корабль, называвшийся Советским Союзом. Его поворачивали, как сейчас выяснилось из множества документов, целенаправленно и сознательно. Поворачивали в район зловещего Бермудского треугольника, мертвого региона планеты. Там вдруг перестают работать корабельные приборы, показывают на ноль — и корабль, потеряв курс, начинает вращаться на месте, погружаясь в пучину.

Конечно же, смехотворны утверждения, будто страна наша к тому времени уже полнос-

тью загнала и была готова к развалу. Это совсем не так. Но когда развал начинается сверху, он происходит катастрофически быстро. А у нас он начался именно сверху. Потому мы вправе говорить о государственной измене наших вождей. О предательстве национальных интересов, интересов народа.

— Октябрь минувшего года, по замыслам реформаторов-ультраеволонтиеров, обозначил конец Советской власти в нашей стране — власти, при которой жили несколько поколений, ныне презрительно именуемых «совками». Что значат для вас похороны Советов? Какие чувства и мысли вызвал расстрел «Белого дома»?

Юрий БОНДАРЕВ:

«НАС ВЕЛИ В ЗЛОВЕЩИЙ РЕГИОН...»

— Наступил пасмурный, мрачный период в нашей истории. Расколотые народы, политики и пастыри государства словно бы оглохли и ослепли в наркотическом сне. Этот сон рождает режиссеров кровавых спектаклей, эстетов танковой стрельбы кумулятивными снарядами, сопровождаемой хлопаньем в ладоши молодых и зрелых неандертальцев, любителей возбуждающих зрелищ, садистски острых ощущений. Это искаленные «перестройкой» особи, совершенно безразличные к тому, чья льется кровь — матери, отца, сына, сестры, брата. И тут с горечью вспоминается мудрый Монтескье: «Правители всюду в пору своему народу». Трагические события 3—4 октября войдут в историю как несмываемый позор псевдодемократии, бесславно законченной в те дни.

Кого судить — осужденных или судей? От чудовищного разединения тех и других и одновременно от соития насилия и жестокости не родится ли младенец с лицом гражданской войны?

Потрясающее в своей обнаженной карикатурности продолжение октябрьской трагедии — так называемая «встреча нового политического года», ставшая фантазматической трагикомедией, а точнее — просто скверным фарсом. Всевидящее око телевизиония безжалостно приоткрывает и выявляет качества интеллекта. Многим политикам и всем, кто еще окончателю не потерял трезвую самооценку, следует бояться пуще болезни его рентгеноподобных способностей. Ночь «политического нового года» стала грустной ночью нашей перестроечной демократии — в лицах ее мэтров, претендующих быть вождями. Чувство стыда не покидало зрителей в течение нескольких часов при виде воинствующего самодовольства, порой припудренной, а чаще — явной злобы, тайного бонапартизма, закомплексованных самолюбий, беззастенчивой саморекламы, попытки сделать из выборов кучу малу, мстя то ли за собствен-

ные неудачи, то ли за чужие удачи.

В конце концов все эти мэтры, артисты и актрисы после «стодичной» и шампанского выболтались начисто. На этот раз в своем усердии телевизионие послужило народу добрую службу, предполагаемый триумф обернулся тризной на глазах честного народа.

Лев Толстой называл печать орудием невежества. Тогда он не знал телевидения, и это незнание сохраняло его душу от парада пошлости. Мы же в ту «политическую ночь» стали свидетелями удручающей картины испорченного банкета, когда с униженным чувством гасят окурки в салате, а вместо заурядно

вежливых на банкетах слов: «Вам, дорогой сосед, налить?» невольно произносится с угрожающим металлом в голосе: «Я тебе морду набью!» В самом деле, не очень весело от подобной «добропорядочности». И ведь все это происходит в нашей несчастной России!

— Как относитесь к решению об амнистии, принятому Государственной думой?

— Я считаю его одной из самых справедливых акций в нашей современной, очень непростой истории.

— Страна — в тяжелейшем недуге. Но где выход? Возможно ли, на ваш взгляд, подлинное нравственное очищение и возрождение? И что могут сделать для этого писатели, другие мастера культуры?

— Думая о спасении нравственности и о признании литературы в этом великом деле, я думаю о Достоевском. Вот кто глубже всех, наверное, понимал это признание! В своем «Дневнике писателя» он высказал такую мысль: не надо стесняться произносить слово «нравственность», его можно произносить даже 501 раз. И вот Достоевский, может быть, как никто другой, очень прямо, а не вкось всегда говорил о нравственности в больном человечестве, которая спасет его. Вспомните хотя бы «Легенду о Великом Инквизиторе» из «Братьев Карамазовых». Да все его романы — от первого до последнего — пронизаны истовым нравственным поиском. Говорят: у Достоевского больные герои, у Достоевского очень много кровавых ситуаций. Но он хотел через страдания прийти к любви и нравственности.

Перечитывая Достоевского, я все глубже живу, как вместе с нравственностью он искал истину и правду. Наше чувство поддается, наверное, порыву души. Когда же возникает критик, великий нигилист — не то серопегенский, не то легио-серенский, ужасный низвергатель талантов и нравственности, то он до пепла сожжет всю русскую культуру — от Ломоносова и Державина до Леонова и Шолохова.

Нравственность, как правило,

связана с качеством таланта. Хотя определение таланта — это всегда ограничение: певец того-то, открыватель того-то и прочее, и прочее. Что же, глупый болтун упрекает кедр в том, что он — не пальма.

Думаю, что, по Достоевскому, человек находится в пограничной ситуации между добром и злом, а не бытом и бытием. Правда искусства выше и глубже бытовой правды. Аксиома и то, что искусство в зрелую пору сосуществует с христианством, питаясь духовными истоками земли и народа. Все это противопоставлено казенным либералам, которым присуща кровавая трусость.

Перед самой казнью Достоевский в каком-то особом возбуждении подошел к Петру Спешневу и сказал: «Мы будем с Христом», на что атеист Спешнев с усмешкой ответил: «Горсткой пепла». Я нашел удивительный материал об этих последних десяти минутах великого писателя на Семеновском плацу. Достоевский был в состоянии эйфории. Он верил в Христа. Он верил, что придет к спасению.

Карамзин, как известно, от-

сейчас, одурачивание, зомбирование, оглушение нашего народа, то мы превратимся в народ, заживо гниющий. И придет момент, когда народ этот станет исчезать с лица своей земли — прекраснейшей из прекрасных.

— Нравственность общества зависит, наверное, не только от писателя.

— Да, она зависит от каждого — от учителя, кондуктора трамвая, от проводника, шофера, инженера. Но у творческой интеллигенции, что говорить, роль особая. А та часть ее, которой свойственна укороченная психология, она нанесла очень большой вред и нашей культуре, и морали. Это интеллигенция разрушения, интеллигенция адских сил, интеллигенция черного цвета, беспросветной ночи. Как шофер машины не видит ночью дальше освещенных фарами двадцати метров, так и она не видит далее ничего. Или видит из чисто корыстных целей — это еще хуже.

— Вы много писали в свое время о негативном влиянии западной, в частности американской, культуры на культуру советскую и русскую. Сейчас эта

тема, можно сказать, предельно немодная. Изменился ли ваш взгляд на нее?

— Есть и на Западе культура, которая возвышает, а есть такая, которая унижает, разрушает, калечит человеческие души. Говоря словами Библии, Вавилон «яростным блудом своим напоил все народы». Так сказано в Апокалипсисе. Современная Америка, по словам выдающегося британского писателя Ивлина Во, — страна бездомных и заблудших. Ложь, растленность, безобразие, уродство «великого города» приняла она как форму жизни, маскируясь демократическими свободами. Весь этот вавилонский ад разбогатевшая в силу разных причин Америка рассчитанно и постепенно дала испить всему миру. В течение двадцати лет был отравлен и загнан в угол французский, немецкий, испанский, польский и, наконец, русский кинематограф. Вытеснена в музыку естественная мелодия. Более того, оглушающее сумасшествие рока загрозило планету и, конечно, нашу страну.

Американизация России происходит с такой быстротой, с таким натиском и силой, что уже бессмысленно говорить о глупом обезьяннем копировании или любви к милому поугайничанию. Речь идет о последовательной оккупации русской культуры, о не встречающей сопротивления агрессии пошлости, тлупости, бесстыдства. Они учат и поучают нас, наследников беспримерной культуры. Но может ли кактус учить яблоню, как приносить плоды?

По словам французца Жоржа Садуля, автора знаменитой «Всеобщей истории кино», даже довоенный кинематограф СССР, богатый по формам, по жанрам, по темам, занимал первое место в мире. А наша литература, в которой творили таланты Шолохова, Леонова, Булгакова, возвышающиеся гигантскими островами над довоенной и послевоенной западной литературой!..

— Я знаю, Юрий Васильевич, что 15 марта вам исполнится 70 лет. От себя и от имени

«Правды» сердечно поздравляю с юбилеем, желаю всего самого доброго. Рубеж, можно сказать, этапный. И не только для вас он наступил. Совсем недавно отметили свое 70-летие Расул Гамзатов, Николай Доризо, Григорий Бакалов, Владимир Бушин. Близится такой же юбилей у Виктора Астафьева, Василия Быкова, Булата Окуджавы, Николая Старшинова, Евгения Носова... Это все ваши сверстники и коллеги на литературном поприще. В биографиях у вас немало общего, прежде всего — война. Со многими ныне известными писателями вы учились в Литературном институте: если не ошибаюсь, ваши однокурсники — тот же Бакалов, Владимир Тендряков, Евгений Винокуров, Владимир Солоухин, Григорий Поженян, Лидия Обухова... А недавно ушли из жизни Юлия Друнина и Михаил Дудин. Вячеслав Кондратьев и Алесь Адамович — тоже фронтовики, как и вы. Что думаете о судьбе своего литературного поколения?

— Оно, можно сказать, создало целую литературу. И каждый из названных и неназванных писателей занял в ней свое

достойное место. А если бы их не было, у человечества словно украли бы правду о великой войне.

— Литература, как и семья, жива продолжением рода. Между тем нынче о молодых писателях наших мало что слышно. О них почти ничего не пишут, очень редко их издают. Тем радостнее было узнать, что Союз писателей России, который вы возглавляете, провел семинар-совещание молодых писателей страны. Какие впечатления вызвало у вас это, прямо скажем, экстраординарное по нынешним временам событие? Чего больше в ваших мыслях о литературной смене — огорчений или надежд?

— Надежд. Безусловно, нескончаемых надежд! Говоря об этой встрече молодых писателей, мне хотелось бы употребить слово, которое сегодня в обращении у нас совсем не часто: праздник. Это действительно был праздник и для нашего творческого союза, и для тех начинающих авторов, которых мы собрали. Съехалось около 120 человек. И у писателей старшего поколения они вызвали чувство не ревности, а радости, потому что мы ощутили рядом с собой явление истинного таланта. С удовлетворением обнаружили, что в областях, вдали от Москвы растет серьезная молодая поэзия и проза. Кстати, 60 человек из участников семинара-совещания мы приняли в Союз писателей — приняли с совершенно чистой душой.

— А каково ваше мнение, хотя бы коротко, о сегодняшнем положении в писательских организациях России? Происшедший раскол устроен или в чем-то плодотворен?

— К сожалению, а может, и к счастью, все диалектично в этом мире. С одной стороны — печально, что произошли эти расколы. А с другой — они ведь стали результатом определенных сил необходимости, потому что должна все-таки быть какая-то ясность взаимоотношений и позиций.

— Долгое время наши «демократы» полоскали вас в газетах, по радио, телевидению как «литературного генерала». Что извлекли вы из тех обвинений?

— Вся эта групповая атака новой демпрессы твердо укрепила меня в раз и навсегда осознанной мною правоте и вере. Никакие наговоры не собьют меня с выбранной нравственной позиции.

— Вы, Юрий Васильевич, при всем вашем глубоком и тонком психологизме всегда были писателем, чутко воспринимавшим свое время. Но не считаете ли, что политика слишком остро вошла в вашу прозу последних лет, заняла в ней слишком большое место? Не жалеете ли об этом? Ведь и «Выбор», и «Игра», и «Искушение» во многом несут на себе отпечаток нашей общественно-политической борьбы.

— А разве я один такой? Толстой и Достоевский (я им не чета) — это же самые политизированные писатели. Пушкин разве был вне политики? А что мы скажем о Гоголе, об «Отцах и детях» Тургенева, о его же «Рудине», о романах Писемского, Лескова, Гончарова? Когда-то Тютчева называли певцом «чистого искусства». Но это ведь не так. Стоит внимательно перечитать его, и вы почувствуете все — и боль за свою страну, и любовь к ней, и ее страдания. Так что я нисколько не жалею, что общественно-политические страсти нашего времени отразились в моих романах. Уходить от политики, особенно сегодня, — это значит уходить от самых насущных проблем и конфликтов, составляющих нашу жизнь. А можно ли писателю уходить от жизни? Другое дело, что политика в литературе ни в коем случае не должна заменять художественную ткань, уничтожать образ, характер, кровь и плоть героев. Вот это неприемлемо.

— В будущем году мы отметим 50-летие Победы в Великой Отечественной войне. Дата и торжественная, и печальная. Печальная не только потому, что связана с поминовением миллионов павших, но и потому, что «новый взгляд» на войну многих современных историков и литераторов вызывает горькие чувства. Что думаете вы, фронтовик и писатель, коренным образом связанный с военной темой, о происходящей здесь переоценке ценностей?

— Всех тех, кто пытается извратить правду этой великой войны, кто старается принизить нашу победу и простой, негероический героизм наших солдат, а на героический пьедестал взгромозждает изменников Родины, кто хочет представить нашу победу как поражение, всех их я называю предателями, перебежчиками в стан самого человеконенавистнического врага — на сторону фашизма.

— А что сейчас на вашем письменном столе? Намерены ли вы сами продолжить военную тему? Ведь это в моем представлении — самое заветное для вас, основа всего вашего творчества. Можно ли считать, что тема Великой Отечественной войны уже исчерпана в нашей литературе?

— Мой новый роман охватывает события 47-го года, то есть послевоенные события, но почти все герои — фронтовики. Поэтому война здесь будет присутствовать. А если говорить, исчерпана ли в литературе военная тема, — конечно, нет. Она беспредельна и в своем трагизме, и в героизме. Думаю, напишут об этой войне еще и те, кто прошел ее, но по каким-то причинам не сказал пока о ней своего слова.

Беседу вел
Виктор КОЖЕМЯКО.